

УДК 27-9(470.4)

А. А. Машковцев

**КАТОЛИКИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.:
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА**

В статье рассмотрены основные причины складывания общин Римско-католической церкви на территории Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX в. Автор отмечает, что основным фактором, способствовавшим стремительному росту числа католиков в регионе, географически удаленном от мест компактного проживания представителей данной религиозной группы, было жёсткое подавление российской администрацией польского национально-освободительного движения. Массовая высылка участников Январского восстания на западе империи привела к тому, что в Волго-Уралье только в 1863 г. оказалось несколько сотен поляков-католиков. Помимо ссыльных в указанный хронологический период прибыло немало образованных специалистов из Польши и Северо-Западного края, испытывавших проблемы с трудоустройством у себя на родине. Также в статье проанализирован этнический состав католических общин региона и правовой статус их членов.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь, польская диаспора, органы государственной власти, социальная демография.

В результате разделов Речи Посполитой, осуществлённых в 1772, 1793 и 1795 гг. поляки не только утратили контроль над обширными национальными окраинами, населёнными украинцами, белорусами и литовцами, но и лишились собственной государственности. Основные этнические польские земли достались в тот период Пруссии и Австрии, однако и на территориях, вошедших в состав Российской империи, также проживало немало поляков. К примеру, польское население преобладало в районе Вильно и было заметно представлено в Западной Белоруссии и на Волыни.

Разгром наполеоновской Франции резко изменил расклад сил в Европе. Россия, сыгравшая в этом деле ключевую роль, рассчитывала на соответствующие дивиденды и она их получила. В 1815 г. по решению Венского конгресса в состав нашей страны вошло Варшавское герцогство, населённое преимущественно поляками. Таким образом, под контроль России перешли основные польские земли вместе с Варшавой и свыше 2/3 всего польского этноса. За пределами государственных границ России оставалась лишь польская часть Галиции с Краковом и западные польские территории (район Познани).

Присоединение Польши к России оказало огромное влияние не только на судьбу поляков, но и на развитие самой империи. В её составе оказался народ, хотя и этнически родственный русским, но совершенно не похожий на них по культуре, быту и менталитету. Кроме того, поляки, в отличие от большинства других этносов, входивших в состав России, имели многовековой опыт собственной государственности и всеми силами стремились к её возрождению. Тщетные попытки добиться этого легитимными способами приводили к радикализации общественных настроений в Царстве Польском. Следствием этого стали два мощных польских восстания – Ноябрьское 1830 г. и Январское 1863 г. Они оказали колоссальное воздействие как на политическую элиту страны, так и на все образованные слои русского общества. Начиная с Николая I, все российские императоры уделяли польскому вопросу первостепенное внимание, стремясь не только удержать Польшу, но и максимально интегрировать её в общеимперские государственные структуры. Особенно активно этот процесс пошёл после подавления восстания 1863–1864 гг. «В Царстве Польском, согласно секретному распоряжению 1866 г., был взят курс на вытеснение с государственной службы поляков совершенно благонадёжными чиновниками русского происхождения. Все делопроизводство в административных и судебных органах вплоть до низшего уровня (гимны – волости) должно было вестись на русском языке. В средней и начальной школе

полагалось преподавать по-русски, причём в гимназиях это требование распространилось и на закон божий католического исповедания», - отмечал крупный советский историк В. С. Дякин [1].

Политика инкорпорации Польши, активно реализуемая Александром II, привела постепенному увеличению численности русского населения в крупных польских городах, в первую очередь в самой Варшаве. Основную массу русских в Польше составляли чиновники, работавшие в различных административных органах генерал-губернаторства, а также члены их семей. Помимо них, после Январского восстания появилось и большое число представителей русской интеллигенции, преподававших в Варшавском университете и средних учебных заведениях. Для обеспечения духовных потребностей русских в Польше и Западном крае возводятся десятки новых православных храмов. Например, в конце XIX в. в Варшаве началось строительство колоссального собора Александра Невского.

Однако активная имперская политика, проводимая в Царстве Польском, вызывала и обратные миграционные процессы: не только русские переселялись на польские территории, но и поляки проникали в восточные районы Европейской части России и в Сибирь [2]. Если в начале XIX в. губернские центры Среднего Поволжья и Приуралья (кроме Казани и Уфы) отличались достаточно однородным этническим составом населения, то уже в середине века здесь сложились довольно крупные польские общины. При этом поляки, жившие в Вятке, Казани, Перми и других городах, заметно отличались друг от друга не только по своему социальному происхождению, но и по мотивам, вынудивших их покинуть родину.

В соответствии с этими мотивами всех представителей польской диаспоры можно условно разделить на две большие группы. К первой относятся лица, переехавшие в Волго-Уральский регион добровольно. К ним относились чиновники польского происхождения, трудившиеся в местных органах управления, инженеры, работавшие на промышленных предприятиях,

предприниматели, врачи, и пр. Так, в Казанском университете преподавали такие выдающиеся учёные польского происхождения, как О. М. Ковалевский, В. Залеский, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др. [3] Впрочем, эта добровольность переселения в глубинные районы России также достаточно условна, поскольку названные категории поляков испытывали серьёзные проблемы с трудоустройством у себя на родине. Это опять-таки объясняется особенностями имперской политики в Польше, когда предпочтение при замещении вакантных должностей отдавалось русским.

Вторую группу образуют лица, принудительно высланные в Среднее Поволжье и Приуралье. Это были деятели польского национально-освободительного движения, в первую очередь участники восстания 1863 – 1864 гг. Часть из них очутилась в местных арестантских ротах, других выслали административным порядком под надзор полиции. Общая численность репрессированных участников Январского восстания до сих пор точно не известна и является предметом дискуссий как в отечественной, так и в зарубежной историографии. К примеру, казанский исследователь В. В. Пичугина в своём диссертационном исследовании отмечает, что лишь в европейские районы России выслали около 24 тыс. поляков [4].

Подавляющее большинство поляков, оказавшихся в рассматриваемый хронологический период во внутренних областях Российской империи, по вероисповеданию являлись католиками. Вся многовековая история Польши свидетельствует не только о высоком уровне религиозности поляков, но и об их непреклонной приверженности именно к католицизму. В XIX в. несмотря на падение авторитета папской курии и возникновение общеевропейской тенденции к секуляризации общественного сознания, поляки (в основной своей массе) оставались ревностными католиками. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Царстве Польском, Северо-Западном и Западном краях имела относительный успех лишь среди украинцев и белорусов, но не у поляков. Случаи перехода поляков в православие имели

место как в самой Польше, так и во внутренних районах России, однако это явление никогда не носило массового характера. Даже находясь в тысячах километров от своей родины, поляки сохраняли верность католицизму, который, к тому же, являлся важным средством этнической самоидентификации.

Итак, уже в середине XIX в. во всех губерниях Среднего Поволжья и Приуралья возникли крупные католические общины, состоявшие как из ссыльных участников польского национально-освободительного движения, так и из поляков, добровольно переехавших сюда из Польши, Литвы, Западной Белоруссии и Правобережной Украины. Хотя по численности католики во всех губернских центрах многократно уступали православным, а в Казани также и мусульманам, однако на протяжении всей второй половины XIX в. за ними сохранялся пристальный контроль со стороны местных административных и правоохранительных органов. Тщательный надзор за католическими общинами, и, особенно, за католическим духовенством объясняется целым комплексом причин. Во-первых, большинство прихожан католическим храмов Волго-Уральского региона либо непосредственно участвовали в польском национально-освободительном движении, либо проявляли к нему явное сочувствие, поэтому воспринимались жандармами как политически неблагонадёжные лица. То же самое относится и к ксёндзам, основная масса которых появилась в регионе в качестве ссыльных участников Январского восстания 1863 г. Во-вторых, православное духовенство и стоявшие на защите его интересов местные власти опасались прозелитизма католиков среди православной паствы. Наконец, и губернская администрация и значительная часть местных обывателей после двух крупных польских восстаний воспринимали католиков как чужеродный элемент, несущий в себе различные потенциальные угрозы, поэтому требующий за собой неусыпного надзора.

Пристальное внимание административно-полицейских органов к католикам привело к тому, что несмотря на относительную малочисленность

католических общин по их истории отложилось большое количество разнообразных материалов, находящихся ныне как в центральных (ГАРФ, РГИА), так и местных (ГАКО, НАРТ, ГАПК, ЦГАУР, ГИАЧР и пр.) архивохранилищах страны. Эти документы позволяют не только детально проанализировать взаимоотношения католиков с местными органами управления и православным духовенством, но и проанализировать динамику численности католиков на протяжении рассматриваемого хронологического периода, а также их географическое размещение.

Материалы, позволяющие установить численность вятских католиков, их половой и этнический состав, а также распределение по уездам губернии сосредоточены, в основном, в фондах Вятского губернского статистического комитета (Ф. 574) и канцелярии вятского губернатора (Ф. 582) Государственного архива Кировской области. Кроме того, аналогичная информация, но в значительно меньшем объёме имеется в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (Ф. 821) Российского государственного исторического архива и в фонде казанской римско-католической церкви (Ф. 709) Национального архива Республики Татарстан. Наличие подобных сведений в фондах НАРТa объясняется тем, что на протяжении всей второй половины XIX в. и в начале XX в. вятские католики не составляли самостоятельного прихода и административно подчинялись настоятелю казанского костёла [5].

Несмотря на наличие большого число статистических материалов, касающихся численного состава и размещения вятских католиков, необходимо сделать ряд оговорок:

Во-первых, статистические данные с 1864 по 1868 гг. не являются полными, а относятся, преимущественно, к двум группам поляков-католиков: а) лица, добровольно переселившиеся в пределы Вятской губернии; б) политические ссыльные, высланные административным порядком на территорию края и находившиеся под надзором полиции, но обладавшие

относительной свободой передвижения в границах места отбывания ссылки. Помимо них в крае также находились поляки-католики, размещённые в Вятской арестантской роте. Однако, в силу тяжести совершённых ими деяний (как правило, непосредственное участие в боевых действиях против русских войск в ходе Январского восстания 1863 г.) они были в наибольшей степени изолированы от общества и не играли никакой роли в жизни вятской католической общины. Так, они не могли посещать католические мессы, регулярно проходившие с лета 1863 г. в домовый церкви сосланного в Вятку римско-католического епископа Адама Красинского [6]. Кроме того, для многих арестантов Вятка являлась лишь короткой остановкой в ходе их этапирования в более отдалённые районы страны. Наконец, численность заключённых Вятской арестантской роты не поддаётся точной оценке. Даже в весьма содержательной и глубокой по анализу материала монографии Л. Г. Подлевских, непосредственно посвященной истории данного учреждения, даётся лишь примерное число поляков-арестантов – свыше 600 человек. «Недостатки, свойственные статистике Российской империи XIX в. в целом и организации исполнения наказаний в частности, не дают возможности учесть всех сосланных», - признаёт Л. Г. Подлевских [7].

Во-вторых, имевшиеся статистические данные не всегда указывают сословную принадлежность верующих, что не позволяет проследить динамику изменения социального состава вятской католической общины в рассматриваемый хронологический период.

Таким образом, главной отличительной особенностью католических религиозных объединений в Среднем Поволжье и Приуралье в указанный хронологический период было то, что значительная часть их адептов оказалась в регионе не в результате добровольного переселения, а вследствие высылки в ходе подавления польского восстания 1863–1864 гг. Кроме того, католики, в отличие от большинства других конфессий, были объектами пристального

контроля со стороны местной администрации и правоохранительных органов, подозревавших их (порой не беспочвенно) в политической нелояльности.

Список литературы

1. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 133.
2. Подробно данный процесс рассмотрен в трудах профессора Л. Е. Горизонтова. См.: Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). – М., 1999.
3. Мягков Г. П., Циунчук Р. А. Открывая новые страницы общей истории // Polonia в Казани и Волго-Уралье в XIX – XX вв. : сб. науч. статей. – Казань, 2011. – С. 8–9.
4. Пичугина В. В. Польская интеллигенция в общественно-политической жизни Поволжья и Приуралья (XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2000. – С. 19.
5. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 7299. Л. 28.
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 3. Д. 996. Л. 3.
7. Подлевских Л. Г. Политические ссыльные в Вятской арестантской роте. – Киров, 2005. – С. 32.

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: wikma116@rambler.ru